

СЛУШАЙТЕ РЕБЕНКА

Пока родители с дьявольским упорством пытаются подогнать детей под требования первой двадцатки вузов в списке U.S. News, Энн Фергюсон — одна из многих школьных консультантов по приему — твердо отстаивает интересы абитуриентов. Она директор по консультированию в Академии Филлипса в Андовере. Я разговаривала с Энн по телефону в феврале 2014 года, сразу после того как она завершила работу с текущей группой одиннадцатиклассников и их родителей.

«Когда мы впервые встречаемся с нашими будущими выпускниками, то задаем несколько вопросов. В частности, просим написать на карточке первое слово, которое приходит им в голову при мысли о колледже. Самые частые ответы — “SAT”, “стресс”, “свобода”, “независимость”, “заявление”. Затем мы спрашиваем: “Если бы вы могли сказать родителям одну вещь, что бы вы сказали?” Ребята набрасывают на карточках записки, например: “Я понимаю, что вы меня любите и хотите как лучше, но почему бы вам не отойти в сторону?”» Затем Энн встречается с родителями этих одиннадцатиклассников, вручает им карточки и просит написать записку ребенку. Если она еще не показывала родителям карточки, те пишут что-то вроде «Стремись к лучшему», «Я знаю, ты думаешь, что не можешь поступить в Гарвард, но все же попробуй». А если показать пожелания учеников, родители пишут что-то вроде «Ты сам решаешь», «Я буду тебя полностью поддерживать».

Когда Энн делится с родителями мнением учеников, им становится неловко, они пишут ободряющие слова, «атмосфера становится очень теплой, они говорят, что “так не поступают”, и обещают делать правильные вещи». Но когда процесс подготовки начинает набирать

обороты, «волшебство той встречи рассеивается, и зачастую возвращается нервозность».

Энн видит, как влияет на учеников родительская тревога. Один одиннадцатиклассник пришел к ней в кабинет, чтобы поговорить о поступлении. Энн собиралась с мыслями и искала материалы, пытаясь найти подход к юноше, но потом подняла глаза и увидела, что тот сидит, закрыв лицо руками. Она отложила материалы, замолчала, а потом спросила, все ли в порядке. Тот отрицательно покачал головой и признался, что отец записал его в Академию Филлипса, чтобы потом он смог поступить в Гарвард. «А у меня не идет математика. В Гарвард мне не попасть». Юноша признался, что плохо спит и его преследуют кошмары.

«Мы, консультанты, пытаемся заботиться, защищать ученика», — говорит мне Энн. Она пытается объяснить родным: «Это очень большая нагрузка. Почему бы не позволить ребенку расслабиться и посмотреть, что произойдет?» С тем парнем она начала говорить сочувствующим тоном: «Я знаю, что ты не поверишь, но здоровье — самое главное. Конкретный колледж не имеет значения. Если здоровья не будет, ты все равно там не выдержишь». Он поверил, и ему стало легче оттого, что кому-то это небезразлично.

Многие из нас, родителей, привыкли жестко контролировать жизнь ребенка, чтобы добиться определенных результатов. Но поскольку сейчас больше детей стали подавать заявления в несколько вузов сразу, колледжам приходится делать сложный выбор, и секрет поступления в конкретный вуз не знает никто. Поскольку правила игры изменились, родители чувствуют себя бессильными и «приходят в ужас». Энн знает: если удастся снять с родителей шоры и открыть перед ними более широкий спектр захватывающих возможностей, процесс не будет вызывать такого стресса. Однако идти по этому минному полю непросто всем: родителям, детям и самой Энн.

В энергичных, амбициозных районах, где очень большая конкуренция, например там, где я живу, родители рано перестают слушать детей. Я спросила Мейв, которая раньше жила в Пало-Альто, но потом переехала в более спокойный Бенд в Орегоне, каковы ее впечатления от другой родительской среды. «В Пало-Альто хорошо то, что родители сознательно общаются со своими детьми и могут уделить им много времени, — говорит она. — Но плохо то, что, они постоянно суетятся и не слышат, что говорит ребенок. Мы поняли, что не можем нормально разговаривать в семейном

кругу, если вокруг такая суматоха и столько внешних обязательств. Нам захотелось свободно общаться и просто проводить время вместе».

Морина, жительница Санта-Клариты в Калифорнии, говорит нечто похожее: «Мы кричим на детей, чтобы они побыстрее собирались. Кричим, чтобы они готовились к бейсболу. Кричим, чтобы делали домашнюю работу. Дом уже не оазис, а катастрофа». А если мы — все мы, и сидящие дома, и работающие родители — хотя бы частично покончим с безумным давлением различных мероприятий, а в освободившееся время просто *побудем* с нашими близкими?

КАК ПО-НАСТОЯЩЕМУ СЛУШАТЬ РЕБЕНКА

Согласно рекомендациям Американской психологической ассоциации, слушать и разговаривать — ключ к здоровым отношениям между родителями и детьми, особенно подростками. Советы, которые я дам ниже, основаны на руководстве, опубликованном этой ассоциацией¹.

- 1. Будьте доступны.** Если у вас несколько детей, уделите немного времени каждому. Выберите момент, когда ребенку больше всего хочется поговорить. Может быть, перед сном? Или по дороге на репетицию? Утром в выходной день, когда мало что происходит? Если вы нашли правильное время, иницилируйте разговор. Не начинайте с вопроса, который *у вас* на уме: лучше проявите интерес к тому, что делает ребенок, что для него важно. Подростки часто полагают, что родители хотят говорить только об оценках, достижениях и поступлении в колледж. Покажите, что вам важен *он сам*, его увлечения, заботы и радости. *Если так поступить*, вам потом будет удобнее затронуть важные для вас темы, например, когда ребенок собирается писать черновик вступительного сочинения.
- 2. Покажите, что слушаете.** Оторвитесь от своих дел и прислушайтесь. Установите зрительный контакт. Не перебивайте, даже если слушать ребенка тяжело. Когда он закончит, повторите сказанное, например: «То есть это тебя очень радует?..» или «Я вижу, что ты сильно переживаешь по этому поводу». Спросите, нужен ли ваш совет или конкретная помощь, или ребенок просто хочет выговориться и выпустить пар.

- 3. Отвечайте так, чтобы ребенок слышал.** Дети часто нас проверяют: рассказывают часть истории, смотрят на реакцию, а потом могут сказать больше. Если внимательно слушать и подбадривать, можно услышать полную версию. Дети подстраиваются, когда мы начинаем сердиться и проявлять эмоции, поэтому внимательно следите за своим поведением. Сосредоточьтесь на чувствах ребенка, но старайтесь контролировать свои собственные. Говорите, что думаете, но не отмахивайтесь от их точки зрения. Не спорьте о том, кто из вас прав. Можно сказать: «Я знаю, что ты со мной не согласен. Но я по этому поводу считаю так».

В процессе исследований для этой книги у меня была возможность выслушать многих молодых взрослых. Чтобы потренировать умение слушать и понять, почему это так важно, я предлагаю прочитать три их истории. Хотя выбрать было сложно, я решила взять первокурсника, старшекурсника и магистранта, воплощающих в себе ценности и возможности, которые, как мне кажется, каждый хотел бы видеть в своих повзрослевших детях.

ИСТОРИЯ БРЭНДОНА: СВОБОДА БЫТЬ СОБОЙ

Брэндон родился в пригороде Далласа, где американский футбол в старших классах — прямо как в сериале «Огни ночной пятницы»*. В своей школьной команде он был сейфти, ресивером, корнербеком, тайт-эндом и лайнбекером**. Летом 2014 года, когда я с ним беседовала, ему было 19, и он только что окончил первый курс в элитном Университете Райса в Хьюстоне.

Брэндон родился, когда его мать училась в колледже. «Она передавала меня с рук на руки, — смеется парень. — У меня с ранних лет была свобода — я мог изучать и узнавать что хочется и делать что вздумается». Он три года проучился в Carroll Senior High School, государственной

* Сериал 2006–2011 годов. Действие разворачивается в вымышленном городе Диллон в Техасе, в средней школе «Диллон Хай», которая известна своими сильными футболистами и прочной фанатской поддержкой. Перед главным героем, тренером Эриком Тейлором, часто стоит выбор — делать то, что правильно, или то, что приведет к победе.

** Позиции в американском футболе.

школе в техасском Саутлейке. В одиннадцатом классе мать развелась с отчимом, и Брэндон переехал в Область залива к отцу и мачехе. Последний год школы он жил в Сан-Матео и учился в государственной Aragon High School.

«Я всегда вел себя независимо. В шестом классе играл на трубе — из чистого интереса, а не потому, что родители заставили. Я занимался этим делом два года, и у меня хорошо получалось, но футбол мне нравился больше, поэтому музыку я бросил. Родители были не против. Многие мои сверстники в Университете Райса в детстве учились игре на скрипке и фортепиано, но, когда я спрашивал, почему они не играют — у нас в общей комнате прямо по коридору стоит инструмент, — я слышал в ответ: “Потому что мне это не интересно. Меня заставляли. Я занимался, но выбор был не мой”.

В старших классах я набрал много углубленных предметов. Например, в одиннадцатом классе записался на углубленную химию и математику, но английский *ненавидел* и сказал маме, что не собираюсь брать углубленный курс. Она возразила: “Это еще почему?” Когда я сказал, что не хочу так напрягаться, она ответила: “Так нельзя говорить. *Всегда* нужно тяжело трудиться”. Она задавала вопросы и учитывала мои ответы, как грамотный консультант. Она нажимала, но выбирал все равно я сам.

Отчим был немного авторитарнее, по-мужски. Он вел себя как главный тренер: вне поля делал все что мог, чтобы подготовить меня к игре — жизни. Но на поле он ничего сделать не мог. Я сам решал, в каком направлении двигаться.

Когда пришло время, сочинение в колледж я написал совершенно самостоятельно. Я попросил родителей один раз его прочесть, и мама достала свою ужасную красную ручку. Я все с ней обсудил, а потом, как обычно, пошел к себе наверх и решил, какие замечания учесть, а какие нет. Часто я игнорировал красные пометки, потому что считал свой вариант лучше. И в школе, и в заявлении в колледж окончательное решение было за мной.

У многих моих сверстников родители участвовали в процессе поступления не меньше, чем их дети. Они помогали писать сочинение или нанимали для этого кого-нибудь. По идее, сочинение должно отражать душу абитуриента, а не его родителей или стороннего специалиста. Оно должно в самой чистой форме показывать характер человека, обнажать его суть, истинную личность.

Выбирая колледж, я искал места, где есть шанс добиться успеха и получить желаемые ресурсы. Я подал заявление в Стэнфорд, потому что это отличный университет, но меня не приняли. Потом я подал заявление в еще несколько вузов из Лиги плюща, в Университет Райса и некоторые вузы штата в Калифорнии. Я сам, а не родители, решал, где мне получать образование. Это не их жизнь и не их учеба. Я всегда так на это смотрел».

В Университет Райса Брэндона приняли не как футболиста, но вскоре пригласили в команду. Он хотел отдать предпочтение учебе, а не спорту, и отказался. «По иронии, через четыре месяца мне захотелось играть, но было уже поздно», — рассказывает Брэндон. Поэтому он вступил в команду по регби. «Я общался со множеством классных парней, знакомился с новыми людьми в кампусе. Это был отличный выбор. Если получится, я собираюсь этим заниматься все три года». В голосе Брэндона чувствуются энтузиазм и вера в свои возможности.

Он готовится учиться медицине, как и, по его оценке, 70 процентов студентов в его группе. Чтобы выполнить требования, он специализируется в биохимии и биологии клетки. «Еще меня очень интересует латынь, поэтому я взял вторую специализацию по антиковедению. Может быть, на последнем курсе съезжу в Рим, чтобы порыться в архивах. Еще меня занимает влияние нервной системы на здоровье, поэтому, возможно, я немного поработаю в этой области». По голосу видно, что Брэндон просто в восторге.

«Я вижу множество зажатых студентов, которые готовятся в медицинский только потому, что родители говорили им что-то вроде “Ты должен быть успешным. Медицина — лучший вариант. У тебя нет выбора”. Поскольку оба моих родителя занимаются финансами, наверное, им хотелось, чтобы я пошел по их стопам. Но я могу учиться всему, чему захочется. Если я замечаю что-нибудь интересное, то думаю: “Надо бы побольше об этом узнать”. У меня есть интеллектуальная свобода. Интересы мне не навязывают».

Брэндон знает студентов, которые росли под властью родителей-«вертолетов». «Внутренне их ничто не толкает вперед. Знать, чем ты хочешь заниматься и как взяться за дело, — это жизненный навык. Например, выбор предмета в колледже. Детям излишне заботливых родителей это сделать сложно. Я вижу ребят, которые говорят, что “хотят стать врачами”. Консультант им объясняет, какие курсы для этого требуются, но они не умеют готовиться самостоятельно — просто

не понимают, *как это*. Им никогда не приходилось раздумывать над такими вопросами. Им всегда кто-то говорил, что надо делать. Мой сосед по комнате каждый день обсуждает с мамой и папой свой график и сделанные дела. Он не умеет ставить перед собой цели. Даже в таком возрасте ему приходится сверяться с родителями. Мне иногда хочется ему что-то сказать, но приходится не вмешиваться.

Я не хочу уменьшать роль моих родителей, — заключает Брэндон. — Они замечательные. Я обожаю маму и отчима. Они меня очень поддерживали и давали все необходимое. Но лучшее, что они сделали в моем воспитании, — позволили мне выбирать собственный путь».

ИСТОРИЯ ЭММЫ: ТАК НАЗЫВАЕМАЯ БЕСПОЛЕЗНАЯ ПРОФЕССИЯ

Никто не хочет, чтобы ребенок получил «бесполезную» специализацию и в результате до конца дней заворачивал гамбургеры и жил на родительском диване. Поэтому, когда я наткнулась на статью в Time 2014 года под названием *Why I Let My Daughter Get a “Useless” College Degree*, мне захотелось узнать подробности². Неделю спустя мне удалось связаться с автором, Рэнди Ходер, и ее дочерью Эммой — девушкой с «бесполезным» образованием.

Мы говорили весной 2014 года, всего через несколько дней после того, как Эмма окончила Скриппс-колледж, небольшое элитное учебное заведение для женщин, где обучают свободным искусствам. Вместе с четырьмя другими заведениями — Колледжами Помона, Клэрмонт-Маккена, Питцер и Харви-Мадд — он расположен к юго-востоку от центра Лос-Анджелеса. «Бесполезная» профессия Эммы — американистика. Так получилось, что это и моя специализация.

Эмма начала получать высшее образование в трех с лишним тысячах километров к востоку, в Оберлинском колледже в Огайо, еще одном очень уважаемом маленьком колледже свободных искусств. Оказалось, что он не очень подходит Эмме, однако курс «Введение в американистику» в первом семестре подтолкнул ее заняться темой, которой впоследствии она посвятит себя.

«Когда я начинала учиться, у меня не было чувства, что я хочу быть юристом, доктором или еще кем-то», — призналась Эмма. Листая каталог курсов, она обратила внимание на темы, которые входили в курс

американистики: колониализм, история коренного населения США, тюремно-промышленный комплекс и вопросы снабжения городов продовольствием. Сама широта предметов в учебном плане, а также «невероятно обаятельный» преподаватель зацепили Эмму. «Американистика позволяла мне исследовать, и в результате оказалось, что я именно этому хочу учиться». Когда она решила перевестись из Оберлина, стало приятным сюрпризом, что в Скриппс-колледже тоже сильная программа по американистике. Приехав на новое место, на встрече с деканом факультета Эмма сама заявила о желаемой специализации. Она сосредоточила свою работу на вопросах продовольствия, политики и культуры.

В статье Time Рэнди рассказала, что они с мужем поддерживали выбранную дочь стезю. Они пришли к выводу, что человеку в жизни лучше тогда, когда он получает отличное образование и находит свою страсть. У Эммы было и то, и другое. Однако Рэнди призналась, что понимает родительскую озабоченность, если ребенок хочет заниматься предметом, который не дает очевидного карьерного роста. «Сейчас невероятно много говорят о том, что инвестиции в высшее образование должны окупаться. Как родитель вы волнуетесь, получит ли ребенок работу в сегодняшней экономике, найдет ли себя в сложном мире, если будет учиться английскому, американистике или, боже упаси, политике и культуре питания!»

«Да эта область развивается быстрее всего! — кричит Эмма, услышав слова матери. — Мне предлагают отличные стажировки!»

«Но тогда-то мы об этом не знали», — смеясь, возражает Рэнди. Хотя она понимает ценность гуманитарных дисциплин и писала, что «не только точные науки должны помочь следующему поколению процветать в мире конкуренции», недавние статьи, уравнивающие выбранную специализацию с финансовым успехом, сильно действовали ей на нервы.

Иногда Рэнди бывало сложно объяснить знакомым выбор дочери. Со временем она заметила, что *оправдывает* специализацию Эммы, и решила прекратить. «Я постоянно пыталась объяснить, как избранный Эммой путь конвертируется в стабильную зарплату, как будто ее работа была показателем нашей с мужем правоты в отношении ее образования. Задним числом я понимаю, что попала в распространенную ловушку: приравнивала личный успех Эммы к собственному успеху как родителя».

Если Эмма и знала обо всех этих опасениях, это на нее не влияло. Тема ее дипломной работы — «Сначала мы готовим: почему американцы должны вернуться на кухню, и как их туда заманить». Исследование

посвящено тенденции реже готовить дома, причинам такого изменения образа жизни в середине XX века и предотвращению этого явления, например, возрождению садоводства, просвещению в области питания и борьбе с продовольственными пустынями. У Эммы была потрясающая летняя стажировка на сайте Food52, основанном редактором отдела продовольствия New York Times Амандой Хессер. Там она проверяла рецепты, помогала редактировать и общалась с отличным руководителем, и все это в бурлящем жизнью Нью-Йорке. Когда девушка вернулась в кампус и засела за дипломную работу, однокурсники работали над другими захватывающими темами. «Одна девушка писала о том, как изменилась американская музыка после терактов 11 сентября, другая занималась человеком, писавшим руководства для женщин, кто-то еще изучал проблему горя с точки зрения психологии. Это очень стимулировало».

Я разговаривала с Эммой по телефону и не видела ее лица, но говорила она напористо, в голосе чувствовалась уверенность и ясность мыслей. Эмма напомнила моего бывшего студента Джеффа Орловски, который тоже твердо знал, что именно он хочет изучать, даже если другие спрашивали: «И что ты потом будешь делать с *этим* образованием?» Когда Джефф поступил в Стэнфорд, он думал о философии и других предметах, которые давали возможность исследовать человеческое бытие. Он решил специализироваться в антропологии, которую надеялся соединить со своим мастерством фотографа. На первом курсе он признался, что мечтает работать в National Geographic. Через несколько лет после окончания вуза Джефф стал режиссером, продюсером и оператором-постановщиком документального фильма Chasing Ice, который завоевал премии «Сандэнс»* и «Эмми»** и привлек внимание американцев к влиянию таяния ледников на изменения климата. Фильм он продал National Geographic. Я ничего не знаю о политике и культуре питания, и тем не менее было очень интересно слушать, как Эмма рассказывает о своих исследованиях и интересах. Я как будто снова слушала Джеффа Орловски. Конечно, кто-то с недоверием покачает головой. Но для Джеффа и Эммы это не имеет никакого значения. Они знают себя. Они нашли смысл. Именно так выглядит страсть.

* Кинофестиваль «Сандэнс» — международный фестиваль независимого кино, был основан в 1981 году Робертом Редфордом. Премия получила свое название в честь персонажа фильма «Буч Кэссиди и Сандэнс Кид».

** Премия «Эмми» — главная американская премия в области телевидения, ежегодно вручаемая Американской телевизионной академией.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

